

Петр Сойфер

Странная коллекция

Петр Сойфер

Странная коллекция

«Автор»

2026

Сойфер П.

Странная коллекция / П. Сойфер — «Автор», 2026

Артур — Архивариус. Тридцать лет он собирал самое тяжёлое, что люди не могут нести в одиночку: секреты, которые разрушают жизни, если выйдут наружу, и разрушают изнутри, если остаются. Его платформа — «Странная коллекция» — не существует в открытой сети. Она находит людей сама. Теперь Артур болен, и времени у него меньше, чем он хотел бы. Прежде чем уйти, ему нужно передать архив. Он выбирает троих: хакера в бегах, профессора, три года ищущего правду о гибели сестры, и финансового аналитика, которому осталось десять дней расплатиться с людьми, не присылающими адвокатов. Семьдесят два часа. Три задания из реального архива. И вопрос, который Артур задавал себе тридцать лет: кому это причинит вред? Британский психологический триллер о власти над чужими тайнами, цене справедливости и том, что остаётся, когда время кончается.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Странная коллекция

СТРАННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

НАСЛЕДНИК

Доктор Пётр Сойфер

Глава 1

Цифровая клетка

Чашка выскользнула из пальцев в 07:14.

Артур смотрел, как она падает — медленно, как всегда бывает, когда тело понимает раньше разума, — и не успел. Фарфор раскололся на три неровных куска. Чай растёкся по каменному полу, тёмный, почти чёрный, как нефть. Артур не пошевелился. Он стоял у окна с вытянутой рукой, и онемение медленно отступало вверх по запястью — знакомое, деловитое, равнодушное к его планам на утро.

За окном лежал Дартмур. Туман сидел на холмах плотно, по-хозяйски, скрывая всё дальше двадцати метров. Где-то там была дорога, по которой раз в неделю приезжал фургон с продуктами. Дальше — ничего. Так Артур и хотел.

Он опустил руку. Постоял ещё секунду, глядя на осколки, затем повернулся и вышел из кухни.

Убирать он не стал. Некому было заметить.

* * *

Доктор Кейн позвонил в половину одиннадцатого. Артур принял звонок в серверной — единственной комнате в доме, где всегда было тепло. Стойки гудели ровно и низко, как орган в пустом соборе. В воздухе стоял запах горячего металла и пыли, синие огни индикаторов мигали в такт.

— Артур. Я получил снимки.

Кейн говорил из Лондона. Частная клиника на Харли-стрит, кожаные кресла в приёмной, дипломы в рамках. Артур ни разу не был у него лично — только видеосвязь, только зашифрованный канал. Он не доверял кабинетам.

— Слушаю.

— Новые очаги. Здесь и здесь. — Кейн, видимо, указывал на что-то на своём экране. — По сравнению с прошлым октябрём — существенное распространение. Процесс ускорился.

— Прогноз?

Кейн помолчал — он был хорошим врачом и умел молчать, не заполняя тишину состраданием.

— Вы же знаете, что я не могу этого сделать. РС не предсказывают. Это может быть стабилизация через месяц. Может быть — новый эпизод через неделю. Я не знаю, Артур. Никто не знает.

— То есть — ждать.

— То есть — жить. Насколько это в вашей власти.

Артур посмотрел на правую руку. Пальцы чуть подрагивали — мелко, едва заметно. Так же, как дрожала чашка перед тем, как выскользнуть.

— Спасибо, Кейн. — Он отключился.

Он сидел неподвижно минуту, может быть, две. Серверы гудели. На центральном экране пульсировал главный интерфейс Коллекции — тысячи точек на тёмном фоне, каждая из которых была чьей-то тайной, чьей-то болью, чьим-то грехом, которому больше некуда было идти. Тридцать лет работы. Сто двенадцать тысяч файлов.

Кейн не мог сказать, что будет дальше. Никто не мог. Но утром была чашка. А месяц назад он уронил только ключи. А полгода назад — ничего не ронял вовсе.

Артур умел считать.

Он убрал руку под стол.

* * *

Дом был большим не потому, что Артуру нужно было много места. Просто когда-то здесь предполагались другие жизни.

Он прошёл мимо закрытой двери второй спальни — не открывал её уже два года — и поднялся в кабинет. На полке стояло несколько фотографий в рамках, повёрнутых лицом к стене. Он сделал это давно и больше не думал об этом. На письменном столе лежала книга по криптографии с закладкой на сто восемнадцатой странице — там же, где лежала уже несколько месяцев. Читать стало труднее. Буквы иногда двоились.

Рядом с книгой стоял стакан с ручками, две из которых давно не писали. Он об этом знал и не выбрасывал.

Артур сел и открыл ноутбук.

На экране светился интерфейс отбора — чистый, минималистичный: три строки данных, три имени, три иконки с пометкой «активен». Алгоритм работал уже восемь недель. Он не ошибался в людях — Артур научил его этому за тридцать лет.

Харпер, 31 год. Восточный Лондон.

Элиот, 44 года. Кембридж.

Блейк, 38 лет. Манчестер.

Артур смотрел на три имени долго. Где-то внизу, на кухне, осколки фарфора лежали на холодном камне.

Он открыл файл с пометкой «Рубильник» и установил таймер — девяносто шесть часов.

Затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Не потому что устал. Просто потому что снаружи всё равно был туман, и смотреть было не на что.

* * *

Флешбек. Манчестер, 1998 год.

Тогда у него было другое имя. Не Архивариус — просто Арт. Двадцать восемь лет, слишком длинные волосы, дешёвая куртка, из которой торчали наушники. Он сидел в съёмной комнате над китайским рестораном и взламывал сервер «Meridian Systems» просто потому, что мог. Не ради денег и не ради политики — ради чистоты процесса — как решение красивого уравнения, которое само по себе и есть награда.

Джейми сидел рядом, курил в форточку и ждал.

— Ну? — спросил он.

— Есть. — Арт развернул к нему ноутбук.

Джейми Коллинз был его другом, партнёром, человеком, которому он доверял больше, чем кому-либо на свете. Они вместе начинали в восемнадцать — на хакерских форумах, где все были никами и никто не знал, сколько тебе лет. Джейми был умнее в словах. Арт — в коде. Они дополняли друг друга идеально.

Джейми посмотрел на экран. Прочитал. Не изменился в лице.

— Интересно, — сказал он наконец. — Закрой это.

— Ты видишь, что здесь написано?

— Закрой, Арт.

Арт закрыл. Он запомнил всё: каждую строку, каждое имя, каждую цифру. У него была такая память — фотографическая, неудобная, не позволявшая забывать то, что хотелось забыть.

Через два дня Кэтрин и маленькая Мэй не вернулись домой с загородной дороги.

Артур узнал об этом в 23:47, когда позвонила полиция. Он сидел за тем же столом, над тем же китайским рестораном, и смотрел в экран, где до сих пор была открыта вкладка с сервером «Meridian».

Он не кричал. Он просто сидел.

А потом очень тихо закрыл ноутбук и начал думать.

* * *

К утру туман над Дартмуром стал гуще.

Артур активировал протокол приглашения. Три сообщения ушли в сеть — три разных канала, три разных формата. Харпер получит аудиофайл через наушники смартфона. Элиот — системное уведомление, мимикрирующее под сбой программного обеспечения. Блейк — голосовое сообщение в мессенджере от номера, который завтра перестанет существовать.

Текст у всех троих был одинаковый.

«Ты носишь это слишком долго. Оно съедает тебя изнутри. Отдай это мне, и завтра ты проснёшься свободным. У тебя есть одна попытка».

Артур выключил микрофон. Посмотрел на таймер: девяносто пять часов сорок одна минута.

За окном туман лежал на холмах неподвижно, как всегда.

Артур взял со стола новую чашку — заварил чай и на этот раз не выпустил из рук. Держал двумя ладонями, как держат что-то, что может улететь или упасть.

Он сделал глоток и закрыл глаза.

Девяносто пять часов сорок минут.

Глава 2

Приглашение

Харпер не спала уже тридцать один час.

Она сидела на матрасе без рамы в комнате на третьем этаже доходного дома в Степни — Ист-Энд, улица, которую не найти в туристических приложениях. Единственное окно выходило в узкий двор, где постоянно капало что-то с верхних этажей. Она задёрнула штору в первый же день и больше не открывала.

Ноутбук светился на полу. Рядом — три телефона, все с вынутыми симками, все куплены за наличные в разных магазинах. На стене — от руки нарисованная схема: узлы, стрелки, перечёркнутые имена. Скотленд-Ярд искал её уже девять дней. Она знала, что они знают примерно этот район. Она знала, что у них нет точного адреса. Пока.

Харпер не была террористом. Она была аналитиком, которая однажды залезла не туда, нашла не то и не смогла сделать вид, что ничего не видела. После этого всё пошло так, как всегда идёт в подобных случаях: сначала тихое давление, потом предупреждение, потом сфабрикованное дело о кибератаке на государственную инфраструктуру.

Она держала левый наушник в ухе постоянно — привычка, выработанная за годы: слушать фоновый шум города, чтобы поймать момент, когда он изменится. В 23:47 в наушнике раздался голос.

Не музыка и не помехи.

Голос — мужской, ровный, без интонации, как синтезированная речь, но с чем-то живым внутри:

«Ты носишь это слишком долго. Оно съжирает тебя изнутри. Отдай это мне, и завтра ты проснёшься свободным. У тебя есть одна попытка».

Харпер выдернула наушник. Схватила телефон — симки нет, соединения нет, сигнала нет. Она смотрела на экран десять секунд, потом вставила наушник обратно.

В наушнике стояла тишина.

Она встала, подошла к окну, отодвинула штору на сантиметр. За стеклом темнел узкий двор, с карниза капало, у ворот горел одинокий фонарь.

Харпер закрыла штору и вернулась к ноутбуку. Пальцы уже лежали на клавиатуре.

Она начала искать.

Первые два часа — ничего. Платформа не существовала в индексируемой сети. Никаких форумов, никаких утечек, никаких упоминаний в даркнете, которые можно купить за биткоин на известных площадках. Харпер сменила три точки входа, прошла через четыре прокси и нашла то, что искала, только потому что знала, где смотреть — не в содержимом, а в структуре трафика.

Криптографический след был почти идеальным. Почти.

Она вытащила фрагмент смарт-контракта из блокчейна — не весь, только оболочку, но этого хватило. Структура была элегантно: клиент платил единовременно при загрузке файла. Сумма рассчитывалась алгоритмом — объём данных, тип содержимого, предполагаемый срок хранения. Харпер видела диапазоны: от восьмисот фунтов за личный архив до нескольких десятков тысяч за корпоративные или юридически значимые материалы. Только криптовалюта, только одноразовые кошельки — никаких следов.

Первый год хранения входил в стоимость. Дальше — ежегодная подписка, небольшая, почти символическая: достаточно, чтобы клиент помнил, что связь существует, недостаточно, чтобы это стало обременением. Психология удержания, отметила про себя Харпер. Не тюрьма — абонемент.

Юридический протокол оказался зашифрованным PDF — судя по метаданным, документу было около шести лет. Договор был составлен грамотно, без очевидных дыр: клиент подтверждал добровольную передачу файла, отказывался от любых претензий к платформе, соглашался с тем, что переданный материал становится собственностью архива. Никаких имён, никаких юрисдикций — только хэш файла, дата и цифровая подпись, которую невозможно отозвать.

Точка невозврата, оформленная как услуга.

Харпер откинулась на стену — спиной к холодной штукатурке — и смотрела в потолок. Кто-то построил это очень давно и очень тщательно. Не ради денег — деньги здесь были инструментом, не целью. Ради чего-то другого.

Она снова открыла ноутбук.

* * *

Доктор Элиот Марш заканчивал писать отчёт, когда система дала сбой.

Не настоящий сбой — он понял это сразу. Экран мигнул, курсор завис, строка в правом нижнем углу показала ошибку протокола, которой не существует в природе: ERROR_SYS_0x00000000. Ноль. Элиот преподавал киберпсихологию в Кембридже восемь лет и видел достаточно социальной инженерии, чтобы узнать её с первого взгляда.

Он не закрыл окно. Он стал читать.

Сообщение появилось поверх рабочего стола — не во вкладке браузера, не в почте, прямо на экране, как будто было частью операционной системы:

«Ты носишь это слишком долго. Оно сжирает тебя изнутри. Отдай это мне, и завтра ты проснёшься свободным. У тебя есть одна попытка».

Через четыре секунды экран вернулся в норму. Отчёт был на месте. Курсор мигал.

Элиот откинулся на спинку кресла.

Его кабинет выходил окнами на внутренний двор колледжа. В 23:47 там не было никого. Квадрат брусчатки, фонарь, голые ветки клёна. Элиот смотрел в это окно много лет — смотрел, когда писал диссертацию, когда узнал о гибели сестры, когда понял, что официальное расследование зашло в тупик, который никто не собирается распутывать.

Дело Сары Марш было закрыто три года назад. Несчастный случай. Элиот знал, что это неправда. Он потратил два года на то, чтобы это доказать, и дошёл до стены — плотной, ровной, без единой щели.

Он снова посмотрел на экран: отчёт на месте, курсор мигает, и пустая строка там, где только что было сообщение.

Элиот открыл новый документ и медленно, по памяти, напечатал текст слово в слово. Потом перечитал.

«Отдай это мне».

Он не знал, кто это. Но фраза была выстроена точно — для него, не для кого-то другого. Кто-то знал, что он носит. И знал достаточно долго, чтобы выбрать правильный момент.

Элиот закрыл отчёт, не сохранив. Открыл папку с материалами по делу сестры.

И стал ждать следующего шага.

* * *

Блейк получил сообщение в баре.

Не в лучшем баре Манчестера — в том, куда ходят, когда нужно не быть замеченным. Пластиковые стулья, телевизор с футболом без звука, запах прогорклого масла из кухни. Блейк

сидел за угловым столиком и смотрел в телефон с таким видом, как будто изучал что-то важное. На самом деле он просто не хотел встречаться взглядом с барменом, которому задолжал за прошлую неделю.

Двадцать две тысячи фунтов. Это был не карточный долг и не ипотека. Это были деньги людей, которые не присылают адвокатов.

Блейк в прошлом был неплохим финансовым аналитиком. Потом стал хуже. Потом начал брать деньги у тех, кто даёт быстро и без вопросов. Теперь он сидел в баре в Манчестере и думал о том, что у него есть примерно десять дней.

Телефон завибрировал. Голосовое сообщение — от номера, которого не было в контактах. Незнакомый код города. Блейк поднёс телефон к уху.

«Ты носишь это слишком долго. Оно сжирает тебя изнутри. Отдай это мне, и завтра ты проснёшься свободным. У тебя есть одна попытка».

Голос был мужским, спокойным. Запись оборвалась.

Блейк перезвонил на номер немедленно — гудки, потом сообщение оператора: абонент недоступен. Он попробовал ещё раз. То же самое.

Он посмотрел на бармена. Тот вытирал стакан и не смотрел в его сторону.

Блейк залпом допил пиво, которое уже давно было тёплым, и вышел на улицу. В полночном Манчестере шёл дождь, горели огни и у тротуара ждали такси. Он стоял на тротуаре и держал телефон в руке.

«Завтра ты проснёшься свободным».

Блейк не верил в чудеса. Он верил в схемы, в числа и в то, что у каждого предложения есть цена. Вопрос был только в том, чья цена выше — того, кто предлагает, или того, кто соглашается.

Он убрал телефон в карман и поймал такси.

Ему нужно было подумать.

* * *

В 23:52 на экране серверной появились три зелёных индикатора.

Артур смотрел на них из кресла. Он не спал — он редко спал больше четырёх часов подряд в последние месяцы. Тело просыпалось само, без причины, и больше не отпускало.

Три точки. Три человека, которые только что услышали его голос и теперь думают. Один из них уже ищет — он видел это по трафику. Второй ждёт. Третий поймал такси.

Три разных человека, один и тот же голос — три разных ответа. Именно это он и хотел увидеть.

Артур потянулся к стакану с водой — медленно, контролируя каждое движение. Взял. Поднёс к губам. Поставил обратно.

Таймер показывал девяносто один час пятнадцать минут.

За окном Дартмур лежал в темноте — огромный, равнодушный, без единого огня до самого горизонта. Артур смотрел в это окно тридцать лет. Сначала вдвоём, потом один.

Он выключил верхний свет, и в комнате остался только синий отсвет серверных стоек.

Завтра они приедут.

Глава 3

Прибытие

Они приехали с разницей в двадцать минут — не стовариваясь, не зная друг о друге, каждый на отдельном такси, заказанном через разные приложения.

Дорога на Дартмур становилась уже с каждым километром. Сначала — шоссе, потом — просёлок, потом — что-то, что на карте называлось дорогой только из вежливости. По обе стороны стояли заросли вереска, мокрые, тёмные, без единого огня. Дартмурский дождь бил в стёкла горизонтально. Водители молчали — каждый из них получил адрес, сумму и инструкцию не задавать вопросов. Сумма была убедительной.

Поместье появилось из тумана внезапно — сначала каменная ограда, потом ворота из кованого железа, потом сам дом. Большой, тёмный, с узкими высокими окнами. Плющ по фасаду — старый, толстый, вросший в камень намертво. Всё это было бы похоже на декорацию к готическому роману, если бы не одна деталь: между третьим и четвёртым окнами второго этажа мигал небольшой синий огонёк — индикатор камеры наблюдения. Новый и явно дорогой.

Дом смотрел на них.

* * *

Харпер вышла из такси первой.

Ворота были открыты — без замка, без охраны, без церемоний. Она закинула рюкзак на плечо — один рюкзак, в котором было всё необходимое и ничего лишнего — и прошла внутрь.

Подъездная дорожка была вымощена крупным камнем, скользким от дождя. Харпер шла медленно, не потому что боялась упасть, а потому что смотрела по сторонам. Камеры — четыре штуки на видимом участке. Датчики движения — вон те белые коробочки под карнизом. Антенна на крыше, не телевизионная. Всё это было установлено недавно, поверх старого камня, как будто кто-то вживил современную нервную систему в тело викторианской эпохи.

У входной двери она остановилась, позвонила и подождала.

Дверь открылась сама — тихо, плавно, без скрипа. Замок электронный, петли смазаны. За дверью — широкий холл, каменный пол, высокий потолок с лепниной. Один торшер у лестницы. И запах — старое дерево, воск, чуть озона от работающей электроники.

— Войдите, — сказал голос из динамика над дверью. — Второй этаж, третья дверь слева. Там вас ждут.

Харпер не ответила. Вошла.

* * *

Элиот приехал через семь минут после Харпер.

Он провёл в дороге четыре с половиной часа — из Кембриджа через Лондон, потом на запад. Всё это время он читал. Не что-нибудь — старое дело. Папка была с ним уже три года, потрёпанная по краям, с закладками из бумажных полосок. Он знал её наизусть, но продолжал читать, потому что однажды в тексте, который знаешь наизусть, можно найти то, чего раньше не видел. Это случалось. Редко, но случалось.

В этот раз — не случилось.

Он убрал папку в портфель ещё до того, как такси свернуло на просёлок. Дальше смотрел в окно. Дартмур в дождь — это не пейзаж, это состояние. Элиот бывал здесь однажды, давно, с отцом, на прогулке, которая закончилась тем, что они заблудились на два часа и отец ругался вполголоса по-валлийски всю обратную дорогу. Он вспомнил это сейчас без особой причины.

У ворот он расплатился с водителем наличными, постоял и посмотрел на дом.

Профессиональная привычка — он всегда давал себе тридцать секунд перед тем, как войти куда-то незнакомое. Не из осторожности, а из уважения к первому впечатлению: оно фиксируется только один раз.

Камеры, антенна, синий огонёк и плющ, который рос здесь лет сорок, не меньше.

Кто-то жил здесь долго. Кто-то обосновался намеренно — далеко, изолированно, с оборудованием, которое стоило немалых денег. Это не дача богатого человека. Это крепость человека осторожного.

Тридцать секунд истекли. Элиот взял портфель и вошёл.

* * *

Блейк опоздал на двадцать минут — водитель взял не тот съезд и долго разворачивался в темноте под его комментарии, которые не делали процесс быстрее.

Выйдя из машины, он сразу почувствовал холод — промозглый, влажный, дартмурский. Поднял воротник, огляделся. Ворота открыты. В окнах первого этажа — слабый свет. Тихо, только дождь и где-то далеко — овца, судя по всему недовольная погодой.

Блейк был здесь не потому что верил в предложение. Он был здесь потому что у него не осталось других вариантов, а человек без вариантов идёт туда, куда зовут, — это простая математика. Всю дорогу он прокручивал в голове схемы: что здесь можно взять, что можно продать, с кем можно договориться. Это был его способ думать — не вопросы, а активы и обязательства.

Он вошёл в холл последним.

В холле уже стояли двое. Женщина с рюкзаком — молодая, стриженная коротко, смотрит на него без интереса, как смотрят на мебель. Мужчина постарше — портфель, очки, осанка человека, привыкшего стоять перед аудиторией. Оба мокрые. Оба молчат.

— Значит, нас трое, — сказал Блейк.

Никто не ответил.

* * *

Артур наблюдал за ними с экранов.

Четыре камеры в холле, две на лестнице, одна в комнате для ожидания — он видел всё. Харпер сразу нашла две из четырёх камер взглядом: профессионал. Элиот осмотрел холл методично, слева направо, как читают страницу. Блейк посмотрел на других людей раньше, чем на комнату: ему важны были не стены, а союзники или конкуренты.

Три реакции. Три типа мышления. Он выбирал правильно.

Артур убрал руки с подлокотников кресла и положил их на колени. Правая немного дрожала — он прижал её левой. Через несколько минут ему нужно было выехать к ним на кресле, говорить, держать интонацию, не показывать, насколько давно он не разговаривал с живыми людьми в одной комнате. С тех пор, как Кэролайн уехала — три года, четыре месяца — он общался только через экраны.

Она позвонила ему через неделю после того, как врачи подтвердили диагноз. Разговор был коротким. Она не была жестокой женщиной — она была честной, что иногда хуже. Она сказала, что не создана для этого, что она пыталась представить себе, как это будет выглядеть через пять лет, и не смогла. Артур слушал, не перебивал. Когда она закончила, он сказал: «Я понимаю». Это была правда.

Он понимал. Он просто не ожидал, что понимание будет таким тяжёлым.

На экране Блейк что-то сказал. Остальные двое не ответили. Артур усмехнулся — едва заметно, одним углом рта.

Он нажал кнопку на подлокотнике. Кресло тронулось.

* * *

Он появился из коридора справа — бесшумно, кресло двигалось на электроприводе. Артур был высоким — это чувствовалось даже сейчас, в кресле. Широкие плечи, прямая спина, которую он держал намеренно, с усилием. Серые волосы, коротко стриженные. Лицо — сухое, с глубокими складками у рта, не от возраста, а от привычки молчать. Глаза — светлые, внимательные, без спешки.

Он остановился в центре холла и посмотрел на каждого из них по очереди. Не быстро.

— Добрый вечер, — сказал он. Голос был тот самый — из записи, из наушника, из системного сбоя. Живой, он звучал чуть тише. — Меня зовут Артур. Других имён у меня нет.

В холле повисла пауза. За окном шумел дождь.

— Вы приехали, потому что каждый из вас носит что-то, от чего не может избавиться в одиночку. Это не осуждение. Это просто факт, который мой алгоритм умеет распознавать. — Он сделал небольшое движение рукой — не жест, скорее отметка в воздухе. — Я предлагаю вам кое-что другое. Не избавление от груза. Наследство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.